

СЕВЕРНЫЙ ВЕТЕР, НЕСУЩИЙ ОЧИЩЕНИЕ...

Эдуард АНАШКИН

Тема СВО — одна из самых значимых в творчестве прозаика Николая Иванова, который в литературу пришел из военных. И его книги, вышедшие в серии «За ленточкой» (издательство «ВЕЧЕ»), можно назвать огневыми точками современной прозы. И вспомнить легендарную «лейтенантскую» прозу о Великой Отечественной войне, созданную писателями, которым довелось узнать о фронте не из книг. История литературы сделала виток, и волею обстоятельств жизни военная проза вернулась на «театр литературных действий», чтобы во многом задавать тон всему современному литературному процессу. События специальной военной операции заставляют и писателей, и читателей осмысливать и переосмысливать прошлое России под прицелом настоящего. Заслуга времени Z в том, что оно привело в современную прозу героя нашего времени. И им стал не скушающий и брюзжащий на кухне диссидент-интеллигент, а человек с активной жизненной позицией. Вместо человека слов нам стал снова интересен человек дела — борец за свет и здравость бытия, патриот.

В прозе Николая Иванова, в частности в его повести «Пока играет флейточка», читатель может увидеть, проследить и осмыслить в характерах героев это пробуждение, когда в обычных и даже не без обывательского житейского начала людях пробуждается активное мужское желание защитить то, что любишь, что считаешь родным.

СВО — война не простая. Ведь, по сути, это противостояние двух славянских братских народов (поневоле вспомнишь каино-авелевую вражду, описанную еще в Библии). До развала СССР два эти братских народа, как и десятки других, не только мирно сосуществовали в рамках огромной советской империи, но сообща переломили хребет фашизму, спасли мир от коричневой чумы. А вот сейчас, после предательской перестройки, рассматривают друг друга в прицелы.

«Северный ветер» призван отрезвить южных братьев, захмелевших при активной помощи доброго заокеанского «дядюшки».

«Их сразу же, в первые дни противостояния на Донбассе, называли «Северный ветер» — добровольцев из России, оставивших свои дома, но не мыслящих жить вне совести, долга и братства. Их никто ни к чему не призывал, им не обеща-

лось золотых гор — на войну, под пули ехали те, кто сделал свой выбор по велению сердца, кто не предал символов Победы, память отцов и дедов. Великое прошлое великой страны. Это и впрямь был северный ветер, который нес очищение. И неправда, что время Z — это исключительно война нарукавных повязок, балаклав, позывных вместо имен и условных тактических знаков по сторонам света: Z — запад, V — восток, O — центр. Специальная военная операция — это наша ответственность за день завтрашний. Это — северный ветер...»

Большинство героев прозы Иванова повести приходят в войну из мирной жизни. Часто с чисто теоретическим пониманием войны и той суровой военной истины, что «...наши бойцы на фронте, защищая Отечество, не временят, когда нужно идти в атаку. На войне день идет за три...» И вот когда от теоретического знания о войне дело переходит к практике — это и есть наступление момента истинности в человеке.

Образ войны является едва ли не главным в повести «Пока играет флейточка». Это почти эпический образ — не только этакой ведьмы с косой, но и жестокой женщины, выявляющей в человеке основу основ, заставляющей посмотреть на мирные вещи под другим ракурсом. «...Желающим заглянуть в... храм дверь не нужна, в стене после танкового выстрела рядом с иконой Николая Чудотворца зияет огромный пролом. И картинка внутри не менее чудотворная — с первыми взрывами только что молившиеся небу прихожане бегут, спотыкаясь на крутых ступеньках, в самое темное и глубокое подземелье церкви. И это правильно, небо во время войны — оно не для Бога, на него не молиться — его бояться надо...»

Несмотря на жесткое военное противостояние, у солдат с обеих сторон было и остается общее советское прошлое. В этом удивительный взгляд автора и нерв повести, в том, что единственная связь между армией России и ВСУ возможна между бывшими воинами-«афганцами», связь родом из СССР. Люди, готовые оплачивать победу кровью, тем не менее заказывают музыку флейточки — пока она звучит, стрельбу может открыть только провокатор...

Маленькая флейта-пикколо, самая маленькая из существующих флейт оркестра, вырастает до символа музыки. Когда звучат музы, хотя бы времен-

но вынуждена умолкнуть даже всемогущая война. Музы говорят — автоматы смолкают, и бойцы получают передышку перед новой атакой, могут перевести дух и поднакопить сил. А сил, в том числе духовных, на войне надо много! И если в мирной жизни мы можем обратить глаза к небу в поисках Бога, то во время войны это небо становится опасным, как уже говорилось выше. Война ставит под сомнение даже самые незабываемые вопросы мироздания, ведь слово «небеса» подразумевает отсутствие беса. Но в войну даже небеса полны опасности...

Читаешь и еще раз понимаешь — до чего огромная и разная Россия, если смотреть на нее через образы героев повести, солдат спецоперации. Молодой тувинец-лесовод Маадыр, выросший в покинутой староведами сибирской глухомани и окуранный напоследок перед дорогой на фронт тувинским оберегом-артышом заботливой бабушкой Анай, мудрой тувинкой. Тут и худосочный музыкант-флейтист Женя, прихвативший с собой в лагерь для подготовки мобилизованных ту самую флейточку-пикколо, на которой до недавнего времени играл в театре. Над «цветочной» и такой мирной фамилией Жени — Незабудка — подшучивают сослуживцы. Тут и гранатометчик Вася Синяк в берцах «сорок последнего размера»... Все они теперь равны — пуля-дура слепа, а они воины и защитники. Как же пронзительно смотрятся на войне приметы мирной жизни! Хотя олицетворением этой мирной жизни порой бывает лишь пристегнутый блестящим карабинчиком к бронежилету командира плюшевый заяц, подарок дочери на удачу. Заяц пучит стеклянные глазенки, не понимая, куда он попал из своей мирной жизни.

Несмотря на плюшевого зайца, майор мужик суровый. Все знают — ему лучше не перечить. В мирной жизни он, уволившись из армии капитаном, возмечтал заиметь, хоть бы в запасе, майорские погоны. Понимая, что такая мечта отдаст тщеславием, отшучивался, мол, старшего офицера хоронят не как штафирку, а как военного — под ружейный салют. Но как выяснилось, о похоронах майору думать рано — грянула-нагрянула спецоперация. И указом мобилизации — старшим офицерам, в отличие от лейтенантов и капитанов, призыв по возрасту определен на десять лет выше. Как говорится, вырос в чине на свою голову!

Грубоватый мужской юмор «армейки», с кото-

рым общаются вновь призванные бойцы друг с другом, это попытка скрыть неизбежно нарастающее напряжение перед отправкой на передовую. Хотя музыканта с цветочной фамилией Незабудка такой грубый юмор все-таки напрягает, Незабудка пришел в воинский строй прямо из оркестровой ямы филармонии. Но, видимо, говорит в этом Незабудке кровь предков, что веками защищали Родину от нападков то с востока, то с запада. На теме защиты России весь русский характер и русский эпос стоит! Когда молодой музыкант, боец Незабудка, под шутки сослуживцев бреется перед боем, это не просто гигиеническая процедура. Ведь поневоле заставляет вспомнить тех древних наших воинов, что, идя в бой, надевали чистую рубаху, чтобы в ней, ежели Господь призовет, и быть похороненным, не доставляя лишних хлопот тем, кто будет хоронить. Никакого пафоса в общении солдат нет, какой там пафос на войне. На войне человека спасает юмор — вспомните Василия Теркина! На войне без юмора русскому человеку никуда! Да, у каждого героя своя история с призывом. Москвич-молодожен Журавко, еще недавно гулявший по Арбату... «Ваську Синяка привезли в военкомат с насиженного места у гастронома, где вышибал копейки на выпивку. Получив через месяц десятки тысяч рублей, для него воистину зверскую сумму, первым делом скупил в Военторге весь одеколон. Молчаливый дагестанец Мурад, взявший позывной по школьной профессии — Историк. Учивший детей в школе любить Родину, Мурад не смог не доказать это личным примером, пойдя на СВО. В мирной реальной жизни, а уж тем более на войне, идеальных среднестатистических людей нет. Все живые из плоти, крови, неизбежных человеческих недостатков, которые часто являются продолжением достоинств, — живые люди. Не сошедшие в ад войны с книжных страниц, но с точностью до наоборот.

«Из кадровых офицеров в полку только командир и начальник штаба. Остальные — запасники, отставники или «незабудки», вчера еще о погонах и о войне не помышлявшие... А теперь они саперы, которые, как известно, ошибаются только один раз, и ползут к месту выполнения задания под грубовато юморные замечания командира.

«Чей зад торчит? Москвич, он тебе больше не нужен? Чем на Арбате будешь крутить, если от-

стрелят? Вжались в снег, как в любимую женщину...»

И то сказать: тяжело в учении — легко в бою! Хотя замечание майора особенно убедительно звучит после месяцев разлуки воинов с любимыми! Молодожен-москвич Журавко своей любимой жене периодически посылает фотографии своего подноса, полного еды, мол, не переживай, мы тут с голоду не пухнем, скорее жируем!

Сколько бы ни говорили мы, что у войны не женское лицо, но неслучайно ведь слово война женского рода, а слово мир — мужского. Женщины — ревнивые создания, и по характеру своему война — конечно, женщина. «Плохо войне, когда на фронте обходятся без нее. Все эти бани-постирушки, письма-посылочки, начавшие приходить бойцам, сборнички стихов, выпускаемые Союзом писателей и убеждающие, что Россия — герой и все орки из плеяды Прометеев — игра в песочнице, которая заканчивается при первом же разрыве снаряда. Если война махнула подолом — то всем стрелять, бежать, умирать! Убивать, отступать, калечиться! Быть засыпанными рухнувшей стеной, чтобы на годы, если не навсегда, раствориться в списках пропавших без вести... ничего не меняется под солнцем... Самый верный показатель убыли, когда боец вычеркивается из полковых списков на вещевое, котловое и финансовое довольствие. И никакая флейточка не вернет двухсотого к жизни, как бы ни надували музыканты щеки. Не интеллигентам решать, что полезно на войне. А элита вообще должна сидеть в ресторане, в крайнем случае на кухне, и ругать власть. Ненавидеть ее. Это модно и всегда прибыльно для тех, у кого в жилах течет голубая кровь. И из музыки на войне дозволено звучать лишь похоронному маршу, да желательно под вой снарядов...»

Эпический и многогранный образ Войны встает со страниц повести: «С гусарских времен утвердилось: война — это белый танец, и если она приглашает на вальс офицера, тот не имеет права отказать».

Хочется поблагодарить Николая Иванова за то, что в своих военных повестях не опускается он до грубого телесного натурализма, чем грешит последний роман Астафьева «Прокляты и убиты». И даже объяснения Виктора Петровича, что он фронтовик и ему лучше знать правду войны, тут не убедительны. Ведь писатель призван видеть в

противостоянии телесном-земном противостояние духа. А фокусируя повествование на телесном, писатель может тем самым не только впасть в натурализм в жанре военной прозы, но и тем самым принизить значение духа.

А дух проявляться может не только в молитве, но и в том, что даже маленькая отважная, непокорная флейточка-пикколо волею своего друга-музыканта делает свой выбор, она тоже участвует на войне, такая мирная и миниатюрная, потому что дело не в материальной огромности, а именно в духе!

Не буду скрывать, удручает не только меня то, что некоторые живущие в тылу, пока наши ребята на передовой рассматривают врагов в прицел, делают вид, что ничего не происходит. А иные так и позволяют себе непозволительные со своей «пацифистской» колокольни выпады в адрес бойцов СВО. Таковых «пацифистов» не большинство, но они есть, к сожалению. В этом я убедился, когда мой сын, давно вышедший уже из призывного возраста, объявил нам, что уходит на СВО. Как сразу при таком известии люди разделялись на два лагеря. Одни, их было большинство, отзывались о выборе сына с удивлением и восхищением, хотя и вздыхали... Но были и такие, что крутили пальцем у виска. Такие «крутильщики пальцем у виска»

вслед говорили — мол, сам виноват. Таких, слава Богу, не большинство! Сын получил тяжелое ранение и сейчас находится в госпитале, перезванивается со своими друзьями-штурмовиками, очень скучает о жене, детях и внучке. Большинство — это те, кто собирает для наших ребят посылки, плетут сети и делают свечи... Дети мастерят трогательные поделки в благодарность нашим солдатам. Это похоже на то время, когда было «все для фронта, все для победы»! В военной прозе Николая Иванова звучит дыхание того самого северного ветра, которым всегда была известна по миру Россия — ветра строгости, очищения, выможивания всего больного. А Герои прозы Иванова, такие разные, порой небезупречные, но зато такие живые и подлинные, что читатель вправе узнавать в них тех, кто еще недавно жил одной мирной жизнью с читателем, а сегодня держит этот «северный ветер». И так и хочется немного перефразировать знаменитые слова русского классика — «во дни сомнения, во дни тягостных раздумий» нельзя не верить, что таких людей может породить только великий народ.

Эдуард Анашкин,
член Союза писателей России,
Самарская обл.